

УДК 323.21

ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Зимин В.А.

*Самарский институт Восточной экономико-юридической гуманитарной академии,
Самара, e-mail: natali.26.12@mail.ru*

В статье проанализирована диалектическая роль государства как институциональной константы в процессе движения политической культуры. Показано, что в политической культуре любого цивилизованного народа государство (как идея и ценность) является ключевым элементом. Отмечено, что от характера отношения государства к разным политическим субкультурам зависит, какая из них будет доминировать, а какой суждено быть оппозиционной, неформальной. Автор сделал попытку ответить на вопрос: насколько нынешнему государству (в целом, как политическому институту) интересна политическая культура граждан в той мере, чтобы оно могло бы затрачивать на поддержание политико-культурных процессов свои ресурсы и согласовывать с этим развитием свои интересы? Автор отмечает, что государство (как идея и ценность) является ключевым элементом в политической культуре.

Ключевые слова: государство, политическая культура, диалектика, институциональная константа, носители, ценности

DIALECTICS OF RELATIONSHIP OF THE STATE AND POLITICAL CULTURE

Zimin V.A.

*Samarskij institut Vostochnoj jekonomiko-juridicheskoj gumanitarnoj akademii,
Samara, e-mail: natali.26.12@mail.ru*

In article the dialectic role of the state as institutional constant in the course of movement of political culture is analysed. It is shown that in political culture of any civilized people the state (as idea and value) is a key element. It is noted that on character of the relation of the state to different political subcultures depends what of them will dominate and what is fated to be oppositional, informal. The author made attempt to answer a question: to how present state (as a whole how) the political culture of citizens in that measure that it could spend the resources for maintenance of political and cultural processes is interesting to political institute and coordinate the interests with this development? The author notes that the state (as idea and value) is a key element in political culture.

Keywords: state, political culture, dialectics, institutional constant, carriers, values

Государство становится институциональной константой исторически, в процессе движения политической культуры. Хотя эта его роль диалектична. На протяжении последних двух столетий лучшие умы Европы и России пытались эту диалектику понять, чтобы использовать это знание в интересах прогресса.

В разных странах и в разные исторические периоды государственная власть становилась то главным революционером и реформатором, опережающим в своих устремлениях в будущее самые прогрессивно настроенные общественные группы, то главным душителем любых общественных инициатив и главным тормозом прогресса. То в ходе модернизаций государственная власть силой навязывала общественному и элитарному сознаниям новые политические идеи и ценности, то отстаивала принципиальную неидеологичность своей политики и достаточность для мотивации участия людей в ней религиозных, например, идей и ценностей.

Государство вело себя, внешне во всяком случае, крайне непоследовательно в отношении к политической культуре. И получа-

ло в ответ такую же видимую непоследовательность отношения со стороны социума: общественными усилиями государства разрушались и тут же на их обломках создавались новые, не всегда более политически совершенные государства.

Политическая мысль, реагируя на такую историческую ситуацию, никак не могла преодолеть ключевой парадокс: чтобы прогресс политики и политической культуры состоялся, желательно избавить общество и личность от опеки государственных институтов, сделать личность и общество единственными институциональными константами политической культуры, но без государства политическое пространство и пространство политической культуры лишаются того общего центра, который придает всем процессам, происходящим в этих пространствах, смысл и цель.

Поэтому каждый раз политическая мысль приходила к необходимости создать на месте «старого» государства некое «новое государство», либо предлагала заменить государство чем-то аналогичным ему по основным функциям, но меньшим по масштабам деятельности и ресурсам

(самоуправляющиеся общины). Такой последовательный критик принципов европейской государственности Нового Времени, как Ф. Ницше, чей призыв «Там, где кончается государство, и начинается человек, не являющийся лишним: там начинается песнь необходимых, мелодия, единожды существующая и невозвратная. Туда, где кончается государство, – туда смотрите, братья мои!» [1] стал своеобразным творческим «credo» для политических радикалов всех мастей. Однако даже он, если вникнуть в суть его афористичных высказываний, отмечал, что для возрождения аристократизма политической культуры необходимо иное, аристократическое вместо демократического, но государство. Как интерпретирует мысль Ф. Ницше один из современных исследователей творчества германского философа: «Аристократия же – власть лучших, сонмом могущих управлять государством – залог здоровья и успеха любого государства и любого общества» [2].

Столь же непоследовательными в своих теоретических построениях были и марксисты, видевшие смысл политического прогресса в замене государства буржуазного государством диктатуры пролетариата, по крайней мере на неопределенно длительный переходный период от государственного управления к общественному самоуправлению. В этой непоследовательности политической мысли, как в зеркале, отражается главное: за тысячелетия человеческой истории государство для многих цивилизованных народов стало той идеей и той ценностью, тем стержнем массовой политической культуры, благодаря которому при всех поворотах политического процесса эти народы смогли не утратить своей цивилизованности.

Государство исторически стало, таким образом, цивилизационной институциональной константой. Причем настолько, что в большинстве случаев историки, политологи и юристы, гуманитарии вообще чаще всего именно с образования государства начинают отсчет всех политических, социально-экономических и культурных процессов. Большинство политологов отмечают активную роль государства в обеспечении интересов всего общества, в формировании социально справедливой политики доходов, в предоставлении основных социальных гарантий всему населению, в развитии науки, культуры, здравоохранения, просвещения, охране окружающей среды, поддержке инноваций и технического прогресса, борьбе с коррупцией и т.д. [3].

Государство своим эффективным функционированием обеспечивает не только

основные модернизационные преобразования, но одновременно постоянно расширяет их социальную базу, укрепляя политическую стабильность общества, демократизируя свои структуры и институты, а также развивая и совершенствуя социальную сферу. «Подобная государственная активность соответствует как мировым тенденциям, проявившимся в развитых странах в XX в., так и жизненным потребностям сегодняшней России» [4].

Не случайно, что многие исследователи в целом сходятся в том, что без государства демократия невозможна: «И в общем плане это, конечно, верно: демократия не может существовать в «безгосударственном» пространстве, она в качестве современной практики является вариантом взаимосвязи государственных и гражданских институтов. Однако в существующей теоретической и эмпирической литературе нет достаточно четкой концептуализации и дифференциации типов государственности и их взаимосвязи с вариантами и траекториями режимных изменений» [5].

На проблему государства как носителя политической культуры можно посмотреть и в структурно-функциональном, так сказать, ракурсе. Государство (как идея и ценность) является ключевым элементом в политической культуре любого цивилизованного народа во многом потому, что вокруг его институтов и практик выстраивается более-менее устойчивое равновесие разнообразных конкурирующих социально-групповых и личностных политических субкультур.

Государство для носителей этих субкультур есть одновременно главный политический противник и главный инструмент политики, что удерживает конфликтующие субкультуры вокруг единого центра. От характера отношения государства к этим субкультурам зависит, какая из субкультур будет доминировать, а какой суждено быть оппозиционной, неформальной. В то же время государство вносит в эти процессы иерархизации политической культуры момент непредопределенности.

Государство, например, обычно не против справедливости. Оно даже постоянно заявляет о своей готовности руководствоваться принципами справедливости в практической политике. Но оно никогда устами своих руководителей, политических и административных менеджеров не уточняет, какой именно из, например, имеющих место в пространстве российской политической культуры современных проектов достижения справедливости ему ближе всего.

Исследователи сегодня говорят о существовании нескольких альтернативных проектов перевода российской общественной жизни в справедливое русло [6]. Это так называемая «Русская доктрина» (консервативный проект), культурологическая концепция социализма (социал-демократический проект), коммунитаристский проект (модель «подвижной иерархии»). За каждым из этих политических проектов стоят определенные политические силы со своими четкими интересами и своими предложениями к государству по их поддержке. Но государство не высказывает открытого предпочтения ни одному из этих проектов. Это притом, что официально провозглашенный курс на системную модернизацию вроде бы требует от государства конкретно определиться со стратегией и тактикой преобразований, в которые оно вовлекает общество.

В результате, по мнению специалистов, у конкурирующих политических сил не остается другого варианта, кроме как согласиться с центристским проектом так называемого «хорошего общества». То есть с моделью, в которую каждый волен вкладывать свой политический и культурный смысл, а какой из этих смыслов в конце концов обладает, это полностью зависит от того же государства.

При этом в общественном сознании сохраняется надежда, что при очередной ротации политических элит расстановка приоритетов в политико-культурном процессе может измениться с точностью до наоборот. С неопределенностью современных наших политико-культурных ориентаций на групповом и личностном уровне во многом связан запрос, формирующийся в массовом сознании, на правовое и социальное государство, которое эту ориентацию (или переориентацию) осуществит и восстановит оптимальный для развития системы баланс политических субкультур.

Современная наука часто оперирует понятием «государственный интерес», когда надо подчеркнуть факт существования в политической культуре и в практической политике идей и ценностей, выходящих по своей актуальности и функциональности за пределы личностного пространства человека политического. Довольно часто вместе с тем возникает вопрос о том, как такой интерес образуется и почему он играет для политической культуры такую важную, можно сказать, системообразующую роль. Ведь именно по признаку соответствия или несоответствия идей и ценностей, на которые ориентирована личность в политике, «государственному интересу» наука выделяет гражданскую и подданническую вер-

сии политической культуры, определяет ее патриотическую или космополитическую ориентированность, имперскость, либо национальную ограниченность.

Исследователи, чаще всего, предлагают видеть источник тяготения других политических акторов и субъектов, личностей и социальных групп, к «государственному интересу» в политико-культурном качестве самих этих субъектов. При этом апеллируют к достижениям «западной политической мысли» достаточно отдаленного времени, когда она только начинала ставить и решать подобные вопросы.

Например, совершенно мистически-негативно выглядят в этом свете свойства политической личности, тяготеющей к «государственному интересу». В одной из политологических публикаций утверждается, что «Авторитарная личность – носитель авторитарного синдрома, основные черты которого подробно анализируются в работе Т. Адорно. Это навязчивая идея величия, иррациональное отношение к власти, слепая вера в авторитет и нежелание критически оценивать руководителя страны, поиск внешнего врага и самоутверждение за счет унижения слабого... На наш взгляд, симптомы авторитарного синдрома легко выявляются и у современных россиян» [7]. С таким же успехом, заметим, в границах использованных авторами понятий, можно описать любую личность, солидарную с «государственным интересом» в любом, самом демократическом обществе. Достаточно вспомнить о том, как характеризовал, например, проявления «демократической тирании» А. де Токвиль в своем классическом исследовании «О демократии в Америке».

Именно то, как представляется, что в «государственном интересе» всегда присутствует некая непредопределенность позиции государственных институтов по отношению к ключевым идеям и ценностям, которыми руководствуются основные субъекты политики, не исключая и само государство, это сосредоточивает конкретные интересы и расчеты политических субъектов вокруг государственных институтов и функций.

Если говорить об элите, то ее интересы концентрируются вокруг верховной власти, олицетворяющей государственное начало политики. Даже у тех политических акторов, которые занимают в политике пассивную позицию, есть повод оправдать свою пассивность тем, что им недостаточно понятен и близок «государственный интерес». Пока позиция власти в отношении ключевых политических идей и ценностей

недостаточно четко и однозначно сформулирована, у любого политического актора есть надежда стать ближе к «власти» со своими политическими и иными интересами, повысить свой статус в политической системе до уровня субъектности, или же нарастить ресурсы самой этой политической субъектности.

Поэтому, вероятно, в истории мировой политической мысли закрепилось устойчиво негативное отношение к ситуациям, когда государственная власть выражает приверженность какой-либо конкретной идеологии, обозначает свои ценностные и идейные приоритеты и тем самым резко сужает возможности личности и общества как других основных институциональных констант политической культуры в солидаризации с «государственным интересом».

Все это выглядит как стабильно работающий механизм политико-культурной ориентации социально-политической системы, основанием которого является стабильность политико-культурной функции государства.

В практической плоскости вопрос можно поставить так: насколько нынешнему государству (не каждому конкретно, а в целом, как политическому институту) интересна политическая культура граждан в той мере, чтобы оно могло бы затрачивать на поддержание политико-культурных процессов свои ресурсы и согласовывать с этим развитием свои интересы?

Самый общий ответ, вероятно, заключается в том, что любому государству важно быть сегодня и в будущем опознаваемым со стороны общества именно в качестве особой власти, отделенной от общества своими ресурсами, функциями, политико-культурными ориентациями. А исторически сложилось так, что именно политическая культура, которую государство поддерживало всеми доступными ему идеологическими, политическими, правовыми и административными средствами, служила делу такого опознавания.

Правда, как представляется, современное государство, либеральное в первую очередь, само себе создало ряд трудностей в этом деле. Оно своей политикой побудило общественное сознание ставить трудные для государственной политики вопросы: останется ли государство институциональной константой в условиях постмодерна и глобализации; не станет ли оно жертвой политико-культурного произвола; с другой стороны, не является ли нынешнее ощущение зыбкости политико-культурных оснований существования современных обществ следствием того, что само либеральное го-

сударство провозгласило ключевым принцип «возможно все, что не запрещено»?

А для того, чтобы устранить эти сомнения из массового сознания, государству необходимо сохранить свое состояние институциональной константы политической культуры и в обозримой исторической перспективе.

Первое, что нужно государству для этого, лояльное отношение граждан к его особости. Государству, в равной мере империи и национальному, нужны лояльные граждане как основание его политической суверенности и легитимности. А лояльность, если рассматривать ее не юридически, а политологически, есть определенное состояние политической культуры, при котором государство имеет возможность опосредованного, через самих граждан, контроля политического пространства (граждане как стражи интересов государства). Понятие «тоталитаризм», от которого, может быть, излишне поспешно стали отказываться исследователи политической культуры вслед за исследователями государственной политики, более применимо для определения именно таких общественных состояний, когда любой гражданин чувствует себя настолько свободным и самодостаточным защитником «интересов государства», настолько ответственным воплощением принципа политической лояльности, что может сказать, что «государство – это я».

Второе, что нужно государству для того, чтобы решить проблему своей опознаваемости в качестве ключевого субъекта политики, это разобраться со своим отношением к разного рода технологическим новациям, ставящим сегодня под вопрос актуальность политической культуры как регулятора политических отношений и, соответственно, место самого государства (в его традиционных измерениях) в политическом процессе.

Прежняя константность государства в качестве носителя политической культуры определялась тем, что большинство существующих на земле государств укладывалось в шкалу «империя – национальное государство». В качестве делений на этой шкале выступали такие ценности, как лояльность, патриотизм (национализм), суверенитет, иерархичность, законность. Продвижение различных социально-политических систем в ту и другую сторону по этой шкале обеспечивало их взаимную опознаваемость в качестве элементов единого политико-культурного процесса и обеспечивало их практическое взаимодействие в международной политике.

Именно в пределах этой шкалы политических ценностей сформировался «Запад»

как политический, экономический и культурный центр цивилизационного пространства всего мира и «Восток» как цивилизационная периферия. И им, как некогда справедливо заметил классик европейского империализма Р. Киплинг, «не сойтись». Причем именно в отношении ключевых политических ценностей. По линии этих ценностей «Запад» и «Восток» в истории устойчиво тяготели к разным краям этой шкалы. В том, как сегодня нарастает политико-культурный конфликт стран «Запада» со странами «Востока» обнаруживается перспектива такой принципиальной несовместимости и в будущем.

Вырисовывается перспектива того, что глобальный мир, все представляющие современную цивилизацию народы и государства информационно будут сплочены, как сплочены, образно выражаясь, посетители одного интернет-портала, а политически будут расколоты так, как сегодня даже представить себе трудно. И их будущее информационное единство может сыграть в их политической судьбе самую негативную роль: враждующие соперники могут разойтись и занять изоляционистские позиции относительно друг друга. Но только в том случае, если им есть куда разойтись. Единство глобального информационного пространства сделает такой изоляционизм принципиально невозможным. А это значит, что уничтожение политического соперника останется единственной возможностью изолироваться от него.

В политике в эпоху глобализации действительно формируются новые парадигмы, но выглядят они в политологическом ракурсе далеко не так оптимистично, как, например, в философско-культурологическом. Либеральные стратегии развития современных государств в XX и начале XXI столетия стерли четкость этих делений на шкале политических ценностей, что, собственно, и воспринимается многими современными аналитиками в качестве свидетельства наступления эпохи постмодерна. Внешне в возможностях современного государства управлять политико-культурными процессами и даже просто воздействовать на них сегодня действительно многое выглядит очень зыбко, неопределенно. Можно сказать, что многое как бы предполагает возможность того, что именно государство выступит главным разрушителем политической культуры. Сегодня, например, среди политиков и аналитиков особой популярностью пользуется тематика, связанная с «электронной демократией» и «электронным правительством». В этих новых технологиях коммуникации элит

и рядовых граждан видят панацею от коррупции, административного произвола, волокиты и элементарной некомпетентности. В них одновременно видят и ключевой ресурс легитимности современных государств в качестве «слуг народа».

При этом почти не обращается внимания на тот момент, что гражданину для общения с реальными институтами государства, для участия в реальных механизмах управления, в которых задействованы живые люди, наделенные волей, амбициями, навыками, предрассудками и т.д., политическая культура крайне важна. Можно сказать, что она будет определять характер политики в тех случаях, когда на почве столкновения интересов государства и гражданина будут сходитьсь реальные люди и делать политику такой, какой она им в данный момент покажется правильной. В политической культуре, в чем ее главная прелесть в качестве элемента нашей цивилизации, как и в культуре вообще, внутренне заложено право человека на ошибку. В этом смысле он свободен тем более, чем больше возможностей для политического выбора, ошибочного в том числе, предоставляет ему его политическая культура.

«Электронная демократия» лишает гражданина не только права на политическую ошибку, но и самой возможности ее совершить. Он будет отстранен от политического участия не по мотивам своих политических убеждений, а просто как неграмотный пользователь. По большому счету для того, чтобы общаться с виртуальными институтами государства никакой политической культуры, в привычном понимании этого явления, гражданину не нужно. Ему нужны исключительно навыки грамотного пользователя информационных систем. К тому же политическая культура нужна гражданину для того, чтобы в понятных ему самому и окружающим понятиях и терминах сформулировать существо своих запросов к государственной власти и претензий к ней, если она на эти запросы не реагирует. В системе «электронной демократии» вместо граждан формулировкой их политических запросов занимаются составители соответствующих программ «электронного правительства». Соответственно, лишенным смысла становится и предъявление каких-либо претензий со стороны гражданина информационной системе, которая по определению не имеет персональной ответственности перед гражданином и обществом. Систему создают и управляют ею технические администраторы, не наделенные политически-

ми функциями, а значит, и политической ответственностью.

Возможно, эти обстоятельства дополнительно стимулируют заинтересованность современных политических и административных элит в продвижении идеи «электронной демократии». Эта система оставляет за людьми, наделенными политической и административной властью, функцию принятия управленческих решений в соответствии с государственными и общественными интересами (как они их понимают), но минимизирует их личную ответственность за эти решения.

Против такой позиции можно возразить, что речь, в сущности, идет только о более высоком техническом оснащении уже имеющих место управленческих процедур. Что это не изменит сути и формы политики, привычных современному человеку. Исторически, однако, можно проследить закономерность: каждый раз, когда человеку удавалось довести до совершенства какую-либо культурную технологию или какой-либо инструмент культуры, относительно быстро это меняло лицо всей цивилизации.

Освоение технологии земледелия тоже начиналось в виде частного усовершенствования и дополнения к, казалось бы, ставшим вечными за тысячелетия человеческой истории охоте, рыболовству и скотоводству. Занятия земледелием первоначально всего лишь восполняли очевидные пробелы в механизмах самоорганизации первобытных сообществ скотоводов и охотников. А закончилось освоение человечеством этой технологии тем, что возникла уникальная по своим свойствам индустриальная (а местами и постиндустриальная) цивилизация, которая сегодня уже претендует на глобальное господство.

Появилась в свое время технология передвижения воинов на лошадях и колесницах. Первоначально просто как техническое усовершенствование, позволяющее воину не расставаться в походе с нажитым добром и семейством. А закончилось все тем, что возникли государства и завоевательные войны стали и до сих пор остаются одной из основных форм государственной политики. С определенной условностью можно сказать, что именно войны, взятые на вооружение как технологии империями и национальными государствами, создали лицо современной цивилизации и определили ее будущее.

Государство, скорее всего, не откажется от наработанного веками опыта взаимодействия с обществом, который делает его опознаваемым обществом ключевым

политическим субъектом. Оно не перестанет быть институциональной константой политической культуры, перейдя к новым управленческим технологиям. Особенно если трансформируется смысл, который мы сегодня вкладываем в понятие «политическая культура».

Иначе говоря, если политическая культура будет пониматься не как совокупность идей и ценностей, обеспечивающих доступ к системе межличностных и межгрупповых коммуникаций, а именно как своеобразный «сертификат качества», выдаваемый и контролируемый государством и обеспечивающий индивиду или социальной группе, независимо от их отношений с другими индивидами и группами, но в прямой зависимости от меры лояльности интересам государства, доступа к системе электронных коммуникаций.

Возможно, что в этом случае роль государства как институциональной константы политической культуры даже возрастет. Если сегодня в структуре демократической политической культуры (на идеи и ценности которой сегодня сориентирован весь цивилизованный мир) наблюдается определенное равновесие в требованиях к гражданину быть лояльным и оппозиционным власти, он может власть ругать, но добровольно и добросовестно ей подчиняться, то в перспективе можно предположить резкое возрастание значимости фактора лояльности. Не вследствие того, что к власти придут авторитарно настроенные элиты. Может быть, формально они будут даже более демократичны, чем нынешние. А вследствие необходимости обеспечения безопасности системы электронных коммуникаций.

При этом не исключено, что государство в эпоху постмодерна, в ситуации распада привычных системных связей в политике может оказаться самым главным политическим субъектом, искренне заинтересованным в поддержании «классических» политико-культурных систем потому, что ему нужно будет сделать понятным для общества, и не выглядящим как произвол, порядок допуска субъектов политики к электронным коммуникациям. По крайней мере, на тот переходный период, в течение которого само государство сможет трансформироваться настолько, что станут ненужными для решения политических проблем многочисленные отряды политических и административных элит, которые сейчас связаны между собой и с обществом долгой исторической традицией функционирования в рамках определенных политических культур.

Пока же современное государство сохраняет свое человеческое содержание, пока государственная власть настолько персонализирована, что смена государственных лидеров, например, воспринимается массовым сознанием как изменение парадигмы политического развития, до тех пор государственная власть будет нуждаться в том, чтобы граждане ее опознавали и руководствовались в этом опознании определенными наборами идей и ценностей.

Список литературы

1. Фридрих Ницше. Так говорил Заратустра. Часть первая. О новом кумире. [Электронный ресурс]. URL: http://www.lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt_with-big-pictures.html. (Дата обращения 21 ноября 2012 г.).
2. Витушкин Д. А. Книга Фридриха Ницше «Так говорил Заратустра». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/etika/vitushkin>. (Дата обращения 21 ноября 2012 г.).
3. Богомолов О.Т. Демократия и социально-экономический прогресс // Новая и новейшая история. – 2011. – № 1. – С. 11–12.
4. Завалев А. Государство и модернизация российского общества // Власть. – 2012. – № 3. – С. 26.
5. Мельвил А.Ю., Стукал Д.К., МIRONЮК М.Г. Траектории режимных трансформаций и типы государственной состоятельности // Полис. – 2012. – № 2. – С. 14.
6. Карнаш Г.Ю. К вопросу о российском дискурсе справедливости // Политические исследования (Полис). – 2008. – № 5. – С. 160–168.
7. Касамара В.В., Сорокина А.А. Постсоветская ностальгия в повседневном дискурсе россиян // Общественные науки и современность. – 2011. – № 6. – С. 19.

References

1. Fridrih Nicshe. Tak govoril Zaratustra. Chast' pervaja. O novom kumire. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.lib.ru/NICSHE/zaratustra.txt_with-big-pictures.html. (Data obrashhenija 21 nojabrja 2012 g.).
2. Vitushkin D.A. Kniga Fridriha Nicshe «Tak govoril Zaratustra». [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.nietzsche.ru/look/xxc/etika/vitushkin>. (Data obrashhenija 21 nojabrja 2012 g.).
3. Bogomolov O.T. Demokratija i social'no-jekonomicheskiy progress // Novaja i novejschaja istorija. 2011. no. 1. pp. 11–12.
4. Zavalev A. Gosudarstvo i modernizacija rossijskogo obshhestva // Vlast'. 2012. no. 3. pp. 26.
5. Mel'vil' A.Ju., Stukal D.K., Mironjuk M.G. Traektorii rezhimnyh transformacij i tipy gosudarstvennoj sostojatel'nosti // Polis. 2012. no. 2. pp. 14.
6. Karnash G. Ju. K voprosu o rossijskom diskurse spravedlivosti // Politicheskie issledovanija (Polis). 2008. no. 5. pp. 160–168.
7. Kasamara V.V., Sorokina A.A. Postsovetskaja nostalgija v povsednevnom diskurse rossijan // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2011. no. 6. pp. 19.

Рецензенты:

Андропова И.В., д.пол.н., заведующая кафедрой «Связи с общественностью», профессор, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и связи, г. Самара;

Леонов М.М., д.и.н., заведующий кафедрой гуманитарно-правовых дисциплин и сервисных технологий, профессор, Самарская академия государственного и муниципального управления, г. Самара.

Работа поступила в редакцию 21.07.2014.